



Нюта Царёва

Ты
для
МЕНЯ
не



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Ц18

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление серии — *Виктория Давлетбаева*

Автор иллюстраций на обороте обложки — *Жанна Михайлова*

Внутренние иллюстрации — *Mori*

Царёва, Нюта.

Ц18 Ты не для меня: [роман] / Нюта Царёва. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2027. — 288 с.

ISBN 978-5-17-189869-4

Кайрат вырос в мире, где выживают сильнейшие. Он не боится ни боли, ни соперников в бою. У него одна цель: построить лучшее будущее для себя и своего брата.

Мэри — любимая дочь, которая всегда была в центре отцовского внимания и любви. Ее красота и нежность словно противоположность суровости мира, в котором живет Кайрат.

Их встреча как столкновение двух совершенно разных миров — суровость и нежность, борьба и любовь.

УДК821.111-31(73)

ББК84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-189869-4

© Царёва Н., 2027

© ООО «Издательство «АСТ», 2027

Пролог



Мэри

— Ты мне отвратителен, Кай!

Я пытаюсь сдержать дрожь в голосе. Ненавижу себя за то, что он видит мою слабость. Ненавижу причину, из-за которой мне пришлось прийти к нему. Ненавижу... этот взгляд. Горящий, прожигающий до самых костей, с вызовом, с интересом.

Брат ухмыляется, скрестив руки на груди, и эта ухмылка выводит меня из себя еще сильнее. Наслаждается тем, что я в отчаянии, что мне нужен именно он.

— Серьезно, Снежок? — Его тон насмешливый, холодный, такой самоуверенный, что я сжимаю кулаки. — Можно подумать, ты пришла не для того, чтобы переспать со мной.

— Ты хуже, чем я думала, — бросаю в ответ, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди. — Хуже, чем можно представить!

— А ты чего ожидала? Что я просто так сорвусь спасать твоего отца? Что меня тронет твоя расстроенная мордашка?

Я делаю шаг ближе, заглядываю в его глаза и вижу в них что-то, что злит меня еще больше. Это не равнодушные, не презрение, это интерес. Кай изучает меня. На-

слаждается тем, как вывел из себя. Я ненавижу его. Ненавижу так, что мои пальцы дрожат от злости. Ненавижу так, что в груди горит странное чувство — не страх, не обида... Что-то опасное, что я даже не решаюсь назвать.

— Я думала, что в тебе есть хоть капля совести. — Все же получается произнести эту фразу сдержанно. — Но ты просто трус!

Улыбка Кая исчезает. Всего на секунду.

— Осторожнее, Снежок. — Голос его становится тише, но от этого он только опаснее. — Ты не в том положении, чтобы бросаться словами, за которые придется ответить.

— А ты не в том, чтобы смотреть на меня сверху вниз, — парирую я и складываю руки на груди. — Ты просто боишься сделать что-то правильное. Что-то хорошее. Гадом быть куда приятнее, да?

Он медленно качает головой, усмехается и смотрит на меня так, что внутренности скручиваются в тугой узел. Как можно смотреть так... нахально? Так, будто он знает что-то, чего не знаю я?

— Я не боюсь ничего, — говорит он, оскаливаясь. — А ты?

Я не отвожу взгляд, даже когда он делает шаг ближе. Даже когда расстояние между нами становится слишком маленьким, чтобы дышать спокойно. Грудь сдавливает от нехватки воздуха. Взгляд Кая — это пламя, от которого хочется отпрянуть, но я остаюсь на месте. Упрямо, с вызовом, зная, что он наслаждается этим противостоянием.

— Если бы боялась, не пришла бы к тебе, — отвечаю сквозь зубы, хотя внутри все дрожит.

Ты не для меня

Он смотрит на меня долго. Слишком долго.

— Назад дороги не будет, Снежок. — Хриплый шепот обволакивает разум, уничтожает остатки решительности.

— Я не из тех, кто отступает. — Гордо вздергиваю подбородок.

Кай на секунду замирает, а потом вдруг улыбается. Настолько холодно, что меня бросает в дрожь.

— Посмотрим, кто первый сдастся.

Глава 1



Кайрат

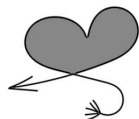
Стою на ринге, в ушах гудит от напряжения. Пацаны кричат, подбадривают, кто-то стучит по канатам. Тренер Антон Сергеевич орет из угла:

— Кай, ты что, спишь?! Руки выше держи! Не проваливайся!

Кажется, что этот крик разрывает мне барабанные перепонки, но я киваю и сжимаю кулаки еще крепче. Усталость накатывает волнами. Я толком не спал ночью: вчера был нелегальный бой. Еще одни быстрые деньги. Надо платить за реабилитацию брата, и я не могу позволить себе расслабиться. Вчерашняя победа была важной, но сейчас тело напоминает, что все имеет свою цену. Каждый удар отдается тупой болью в мышцах, ноги будто налиты свинцом.

Руслан, мой противник, идет в атаку, но я слишком хорошо его знаю и прочитываю его движения как открытую книгу. Он делает шаг вперед, предсказуемо замахивается — два шага в сторону, контрудар, и противник падает. Зал взрывается криками, пацаны свистят и хлопают.

— Хорошо, Кай! — кричит тренер. — Но ты слишком расслабился в защите. Ты что, бессмертный?



Усмехаюсь и киваю, прекрасно понимая, что мог выложиться лучше. Если бы не эта чертова усталость... Антон Сергеевич продолжает ворчать, но я уже вытираю лицо полотенцем и делаю несколько глубоких вдохов. Пот стекает по спине, майка прилипает к телу, а ноги будто ватные. Я бросаю взгляд на пацанов. Они радуются, как будто это их победа. Протягиваю руку Русу, он поднимается.

— Тебе просто повезло, — бурчит он недовольно. — В следующий раз я тебя...

— В следующий раз, — перебиваю я, улыбаясь, — сначала научись твердо стоять на ногах.

Пацаны начинают ржать, Руслан недовольно фыркает и отходит в сторону. Мне хочется присесть хотя бы на минуту, но тут в зал врывается кто-то из младших:

— Кай, к тебе пришли! Женщина! Шикарная такая! Просит поторопиться.

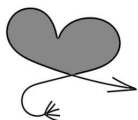
Одобрительный свист разносится по залу, а я недоуменно хмурюсь. Я никого не жду.

— Женщина, говоришь? — язвительно скалится Рус, мой противник не только на ринге. — Это, случайно, не твоя подруга, Кай?

— Слышь, завидуй молча, — отмахиваюсь я, бросаю в него влажное полотенце. Внутри поднимается любопытство. Кто это может быть?

Вздохмачиваю короткий ежик волос, делаю глоток воды и направляюсь к двери. Может, это какой-то спонсор? Или снова кто-то хочет предложить бой на стороне? Тренер бросает мне вслед:

— Эй, Кай, ты куда?! Тренировка еще не закончена!
Я оборачиваюсь:



Нюта Царёва

— Сейчас вернусь, Антон Сергеевич. — Расплываюсь в улыбке. — Нехорошо заставлять женщину ждать.

Он хмурится, но ничего не говорит. Хорошо, что пока не знает, где я был вчера. Если узнает... Лучше об этом не думать.

Коридор кажется длиннее обычного. В груди растёт легкая тревога, но я стараюсь не показывать виду. Спускаюсь в зал для посетителей и сразу вижу ее. Женщина, лет сорока, с идеально уложенными волосами и в дорогом пальто. На фоне облезлых стен интерната она выглядит так же нелепо, как пиджак на тренере. Морщится, едва заметив меня.

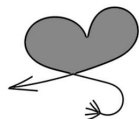
— Это ты и есть? — произносит так, словно я грязь под ее ногами.

Я лишь усмехаюсь. Да, пахну по́том, и что? Душ принять не успел, спешил на встречу. Ее презрение сквозит в каждом жесте. Впрочем, мне плевать. Я вижу таких, как она, насквозь: пустые, самодовольные. Только блеск и холод внутри. А у меня внутри гулкое раздражение. Я не собираюсь унижаться перед кем-то вроде нее.

— Кто ты и что тебе нужно? — спрашиваю прямо, скрещиваю руки на груди. Пусть сразу поймет, что я не из тех, кто прогибается.

— Меня зовут Луиза. Я... — Она запинается на мгновение, покусывая темно-бордовые губы. — Я жена твоего отца.

Эти слова ударили сильнее, чем любой апперкот. Несколько секунд смотрю на нее, стараясь осмыслить услышанное. Отец. Тот самый, который ушел, захлопнув за собой дверь, когда я стоял рядом с матерью и пытался понять, почему он нас бросает. Помню, как она плакала



ночами, а я сидел с младшим братом, он тогда только научился ходить. Помню, как мы считали каждую копейку на ее лекарства, а отец... просто исчез. И оставил меня разбираться с больницей, долгами, братом.

— У меня нет отца, — отвечаю резко, внутри начинает бурлить вулкан из негативных эмоций. — Он умер для меня семь лет назад. В тот день, когда ушел и бросил нас с матерью.

Луиза хмурится, но продолжает:

— Закир очень болен. Нужна пересадка костного мозга. Ты его единственный кровный родственник. Больше никого нет.

Я не выдерживаю и смеюсь. Сначала тихо, а потом громко, надрывно. Луиза морщится сильнее, явно недовольная моей реакцией. Где-то в груди поднимается странное чувство — смесь злости, обиды и даже злорадства. Но я тут же подавляю его.

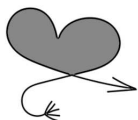
— Ты серьезно? — спрашиваю, утирая слезы. — Человек, который добровольно разрушил мою жизнь, теперь нуждается в моей помощи? Ты пришла просить меня спасти его?

Луиза пытается сохранить спокойствие.

— Я знаю, что он виноват. Но он умирает. — В ее голосе явно читается напряжение. — И я готова заплатить. Большую сумму.

— Деньги? — повторяю я, презрительно усмехнувшись. — Думаешь, можно все купить? Нет, спасибо. Как-то я жил без ваших грязных денег, проживу и дальше. Скатертью дорога.

Я уже готов развернуться и уйти, но тут мой взгляд цепляется за фигуру возле дорогой машины, припаркован-



Нюта Царёва

ной у входа. Белокурая девушка стоит с телефоном в руках. Её кожа словно фарфоровая, волосы — длинные, гладкие, так блестят, что солнце отражается в них. Я задерживаю взгляд. Светлые локоны и эта невинно-дерзкая поза выглядят так, будто девушка сбежала из какого-то идеального мира, не имеющего ничего общего с моим. Она не выглядит как те, кто обычно сюда заглядывает. Черное пальто подчеркивает осиную талию, а перчатки с жемчужными вставками словно кричат о ее привилегиях. Все в ней какое-то неправильное для этого места — слишком чистое, слишком дорогое, слишком недостижимое. Но чем-то она меня притягивает. И это неожиданно раздражает.

— Это кто? — задаю вопрос, кивая в ее сторону.

Луиза делает паузу, но все же отвечает:

— Твоя сводная сестра. Ее зовут Мэри.

Какая прелесть. Сводная сестра. Еще один удар, но уже не такой сильный. Значит, нас с братом заменили на эту девчонку. Неприятно царапает где-то внутри, а я думал, давно перегорел.

Изучаю девушку, пытаюсь идентифицировать свои эмоции. Потом перевожу взгляд на Луизу.

— Пойдем провожу до машины.

Она что-то бурчит себе под нос, но следует за мной к выходу. Я останавливаюсь, когда мы почти подходим к машине. Луиза едва не сталкивается с Мэри, которая от неожиданности роняет телефон. Я не могу удержаться и злобно смеюсь:

— Ну, здравствуй, Снежок.

Она резко поднимает голову, ее голубые глаза сверкают от гнева.

— Меня зовут Мэри! — фыркает она и поднимает телефон.

Не успеваю сдержать ядовитую улыбку.

— Оставь это имя для своих холопов, мне нравится «Снежок», — нарочно дразню ее, рассматривая внимательнее. — Может, позвать мамочку, чтобы заступилась?

Ее лицо заливает румянец, и я вижу, как пальцы сжимают телефон. Отлично, задел. Чувствую удовлетворение.

— Ты всегда такой мерзкий? — тихо спрашивает Мэри, но в ее голосе звучит сталь.

— Для таких, как ты, да. — Настроение внезапно поднимается, а в голове зреет гениальный план, как проучить эту парочку. — Не переживай, Снежок, я не кусаюсь. Пока.

Она надменно закатывает глаза и садится в машину, демонстративно не глядя на меня. Луиза лишь хмуро кивает, а я снова смеюсь, разглядывая обеих.

— Ладно, я подумаю, — говорю я, обращаясь к Луизе. — Но только если твоя дочь сама попросит меня о помощи. Как следует. С уважением и почтением.

Киваю на землю перед собой, демонстрируя, как меня надо упрашивать.

Глаза Луизы вспыхивают яростью. Она молча садится в машину, оставляя меня стоять на холодном асфальте с легким чувством победы. Мэри оглядывается через окно, ее взгляд ледяной, но в нем есть что-то живое и обжигающее. Что-то, что все еще держит меня. Снежок припечатывает к стеклу дерзкий «фак», а я улыбаюсь, довольный произведенным эффектом.

Глава 2



Мэри

Мы едем в машине. Мама сидит рядом, пальцы мертвой хваткой сжимают телефон, и она что-то цедит сквозь зубы. Ее лицо — перекошенное, со сжатыми губами и нахмуренными бровями — выглядит так, будто она сейчас взорвется. У меня в груди неприятно щекочет тревога. Отворачиваюсь к окну, пытаюсь отвлечься, но ощущаю, как злость матери наполняет все пространство. По инерции начинаю теребить манжету свитера, чтобы успокоиться.

— Вот же сучонок малолетний, — шипит мама наконец. — Что только возомнил о себе?

Слова неожиданно цепляют меня. Я никогда не видела маму такой. Обычно она холодна, спокойна, а тут словно потеряла контроль. Из-за него? Из-за этого мальчишки из интерната? Сама мысль раздражает. Почему он? Почему так важно было приехать?

— Зачем мы вообще приезжали? — спрашиваю, стараясь скрыть свое волнение.

— Этот гаденыш должен стать донором костного мозга для твоего отца, — отвечает мама резко, не удостоив меня взглядом.



— Почему именно он?

— Потому что он его сын, — говорит с таким видом, будто это что-то само собой разумеющееся.

Я моргаю, пытаюсь осмыслить ее слова. Меня бросает в жар, как будто это какой-то страшный сон.

— У папы есть сын? — переспрашиваю я, чувствуя, как внутри все сжимается.

— Даже два. Но он с ними не общается.

— Почему?

— Я не знаю подробностей. Что-то с женой бывшей не поделили. Закир отказался от родительских прав. — Ее голос становится раздраженным, будто мои вопросы мешают ей концентрироваться на злости.

— Почему вы никогда не говорили об этом? — продолжаю я, чувствуя, как поднимается волна обиды.

— Зачем? Они чужие друг другу люди. Все, — как ножом отрезает мама.

Я отворачиваюсь к окну. Чужие друг другу люди... Эти слова звучат как-то странно и застревают в голове, словно заноза. Как дети могут быть чужими? Теперь я знаю, что у меня есть два брата, и это знание никак не выкинуть из головы.

— Как его зовут?

— Кайрат.

— Он согласен помочь? — задаю вопрос после долгой паузы, уже догадываясь об ответе.

— Нет. Слишком много хочет. — Мама снова стискивает телефон так, что я слышу легкий треск пластика.

— Что? — Я едва сдерживаюсь, чтобы не повысить голос.

— Чтобы ты унижалась и умоляла его о помощи.